

В СОАВТОРСТВЕ С РОБЕРТОМ МАТТЕОНИ

ЛУКА АВТОБИОГРАФИЯ
МОДРИЧ

Иконы спорта

Лука Модрич

Лука Модрич. Автобиография

«ЭКСМО»

2019

УДК 796.332:929
ББК 75.578

Модрич Л.

Лука Модрич. Автобиография / Л. Модрич — «Эксмо»,
2019 — (Иконы спорта)

ISBN 978-5-04-110221-0

Лука Модрич – лучший хорватский футболист в XXI веке, один из самых зрелищных и полезных хавбеков мира, признанный лучшим игроком планеты в 2018 году. Хорват является эталоном игры в полузащите, ведь Модрич успевает везде: он, как дирижер, прекрасно управляет атаками своей команды, а в защите никогда не уступает своему оппоненту, несмотря на скромные габариты. В Хорватии он уже давно стал живой легендой. Автобиография Модрича – это история, как великий талант благодаря бесстрашию и неуступчивости становится лицом хорватского народа и своей маленькой страны. Став беженцем в шестилетнем возрасте и ощутив все тягости войны, Лука дорос до уровня лучшего игрока мира и выступает на самых известных футбольных стадионах.

УДК 796.332:929

ББК 75.578

ISBN 978-5-04-110221-0

© Модрич Л., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие сэра Алекса Фергюсона	6
Предисловие Звонимира Бобана	7
Глава первая	9
Глава вторая	11
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лука Модрич, Роберт Маттеони

Автобиография

THE REAL DEAL:
AUTOBIOGRAPHY OF LUKA MODRIĆ
by Luca Modric and Robert Matteoni

© za hrvatsko izdanje Corto Literary, 2019

© 2019 by Luka Modrić and Robert Matteoni “the moral rights of the Co-Authors have been asserted”

© Antonio Villalba, Real Madrid, фотография на обложку

© Privatna arhiva obitelji Modrić, Drago Sopta i Hrvatski nogometni savez, Real Madrid C.F., фотографии во вкладке

© Румянцева О.С., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие сэра Алекса Фергюсона

Ведя разговор о Луке Модриче, мы говорим о необычайно талантливом игроке середины поля, как мне кажется, одном из величайших полузащитников последних двадцати лет наравне с Хави, Иньестой и Скоулзом. Заслуженно ему была присуждена награда как лучшему игроку чемпионата мира 2018 года: он на самом деле был лучшим, непревзойденным игроком того турнира.

Переход Модрича в «Шпоры» в 2008-м удивил нас: он не был в поле зрения «Юнайтеда», хотя один из наших скаутов и выделил его в предыдущем году, но у нас тогда были Кин, Скоулз и Каррик. После того как я увидел его в игре против нас, я больше не считал его слишком слабым для Премьер-лиги. Его мастерство бесспорно, а именно оно и было самым очевидным талантом Луки. Модрич очень быстро развивался и в 2011 году стал моей целью, но «Шпоры» не захотели согласиться на трансфер, потому что незадолго до этого мы взяли у них Каррика и Димитра Бербатова.

В 2011 году я объявил Модрича игроком года, что было выражением почти единогласного мнения. Он подписал контракт с «Реалом» (Мадрид): именно тут начинается история его становления как одного из величайших игроков «Реала» всех времен. Матч Лиги чемпионов на «Олд Траффорде» в марте 2013-го был моей последней попыткой заполучить священный грааль, но тогда нас подвело постыдное решение судьи, который удалил Нани в тот самый момент, когда у нас был полный контроль над игрой и когда мы вели со счетом 1:0. Как только Нани покинул поле, Моуринью вывел Модрича, и игра изменилась – выступление Луки нас убило.

Карьера Модрича, особенно если мы примем во внимание его личную историю и раннее детство, служит доказательством, что талант гораздо важнее мышц. Когда Пол Скоулз в тринадцать лет присоединился к «Манчестер Юнайтед», он был всего 160 сантиметров высотой и многие, включая меня, считали его слишком маленьким, но вскоре наше мнение изменилось. Лучший способ оценить игрока – посмотреть, что он делает на поле.

Лука Модрич – прекрасный образец для всех молодых игроков любого роста, телосложения и силы. Я желаю всего самого лучшего человеку, который смог преодолеть аргументы скептиков, связанные с телосложением, показав, что просто умеет играть!

Предисловие Звонимира Бобана

Когда я только начал обдумывать предисловие к такой особенной книге о скромном гении из маленького села по соседству с городком Затон-Обровачки, соавтор, мой давний друг, Роберт Маттеони, попросил меня найти какую-нибудь новую перспективу, какой-нибудь более глубокий и более профессиональный взгляд, который позволил бы оценить Луку Модрича и его искусство футбола по достоинству. Не знаю, удастся ли, но ведь это абсолютно не важно. Важно, что у всех нас случился Лука Модрич. Он и его футбол. Такой простой и такой необычный, такой особенный и уникальный. Легкость и утонченная геометрия, гармония, динамика и спокойствие его игры переливаются таким количеством красок, что невозможно было бы изобразить их в одном коротком предисловии. Как бы точно и хорошо написано оно ни было.

А источником футбольной интуиции Модрича и всего богатства кажущихся простыми решений был тот единственный источник, откуда все это и могло появиться – тот самый футбольный номер, номер 10. Парадокс заключается в том, что в профессиональный футбол он не просто играл: он родился «десяткой», появился в футбольном мире таким, какой он сейчас, – и таким, каким себя описал. Потому что нельзя сказать о Луке, что он «четверка», или абсолютный плеймейкер, или, например, «восьмерка». Нельзя сказать и то, что он на самом деле перестал быть «десяткой». Он был всем этим сразу. И все это в безумном, почти мистическом постоянстве, какую бы футболку он ни надел, клубную или хорватскую. Быть всем. Всем, чем нужно быть. Творить там, где тяжелее всего, в этом узком каньоне, в стремительности середины поля, там, где все случается и все чувствуется иначе, – там, где игра получает направление, где рождается вдохновение. Тут, около центрального круга, в постоянном анализе и осознании того, что мало кто осознает, Модрич повторяет, как мантру, самый серьезный футбольный вопрос: *что я должен сделать, чтобы 90 с небольшим минут каждую секунду, не важно, владея мячом или нет, быть лучшим для своей команды?* Вопрос сложный, но для него все просто, он уже миллион раз находил ответ в себе и вокруг себя.

В самоотверженности он отказался от своего «я», чтобы вернуть его, стократ увеличенное, в «нас». В это мгновение, которое определяет многое, Модрич не сомневался – он легко на это пошел. Удивительно легко. И все эти изменения, новые остроумные тактические решения, когда в нем действовала «десятка», быстро становились его преимуществом, служили его развитию. Чтобы создать лучшего Модрича, он быстро отказался от себя, не сомневаясь при этом в своем футбольном пути – и это его самая большая победа, которая и делает его таким, каким мы его сегодня видим. Для такого, конечно, нужно обладать незаурядным характером, большой верой в себя и фантастической трудоспособностью. Думаю, этим ценным качествам он обязан непростому детству и заботе своей скромной рабочей семьи. Так, изо дня в день, из тренировки в тренировку, из матча в матч создавался фундамент самых больших футбольных побед, и командных, и персональных. Победы пришли, а все его старания были заслуженно вознаграждены.

Несколько последних лет мы видим его в цвете сил, а его десятка гордо красуется на большой футбольной спине. Сияет как обозначение абсолютного игрока.

Когда его сравнивают с другими современными полузащитниками-гигантами, часто не обращают внимания на одну его выраженную особенность. Действительно, Модрич не такой плеймейкер, как Хави, у него нет мягкости Иньесты или великой архитектуры Пирло. Нет, все это у него есть, но опять-таки, ни на что не похожее. В идеальном ритме розыгрышей, в зигзагообразных миниатюрах, в простых решениях (которые таковыми не являются, потому что Модрич всегда на пару ходов впереди) он создал совершенно новую футбольную индивидуальность.

То, чем ни один из троих упомянутых мастеров не обладает: Лука делает своих партнеров и даже соперников лучше, чем они есть! Вдохновляя многих, он придерживается этой футбольной формулы постоянно, в этом проявляется его уникальное игровое лидерство. Нет, я не пишу, что он прирожденный лидер, я этого не ощущаю, но своей игрой и примером он ведет за собой. И игроков, и команду, и, что важнее, болельщиков своих команд. И в «Динамо», и в королевском клубе, и в сборной Хорватии Модричу всегда это удавалось. Две «картинки» помогут сильнее это почувствовать.

Его и наш чемпионат мира – 2018 и историческое противостояние, которое показало настоящего капитана. Такого, который из последних сил, на последних секундах дополнительного времени, пробивает сквозь скопление русских от центра до штрафной, как будто посылает ясный месседж – месседж абсолютной отдачи. Послание победы и неограниченных возможностей. Послание ценностей. Вторая сцена с финала Лиги чемпионов против «Ювентуса», когда после доминантного второго тайма он, собрав последние силы, с линии забивает с передачи Роналду. И это послание – настоящее знамя человека Луки Модрича.

Раз уж мы говорим о человеке, Лука по стечению обстоятельств оказался между Сциллой и Харибдой, разрываясь между своей человеческой и футбольной ипостасями: он был вынужден платить беспокойством и взрослением, но это сделало его сильнее и лучше – Человеком и Игроком.

В конце еще раз приведу слова первого предложения, потому что верю, что они лучше всего описывают Луку: скромный гений. Потому что это как раз то, что останется от Луки Модрича всем, кто, как я, любит его чудесную игру.

Быть примером для такого игрока, как он, для меня великая честь. То, что мой сын годами перед сном надевал форму с его фамилией, – всего лишь одно из проявлений почтения моей семьи к этому чудесному игроку и дорогому человеку. Почтение к великому мировому номеру 10.

Глава первая

Я стоял на пьедестале и держал в руках трофей лучшего игрока мирового первенства. Когда я был ребенком и еще не знал, насколько трудно взобраться наверх, я мечтал, что однажды стану лучшим в мире. И когда это произошло на самом деле, когда в руках я держал «Золотой мяч», единственным, что я чувствовал в тот момент, была грусть. Это мог быть самый счастливый момент моей карьеры, но он не был таким. Мы проиграли в финале чемпионата мира, и в моей голове, еще горячей после матча, вертелась только одна мысль: вот и все.

Пока я стоял на поле и ждал, когда меня позовут на пьедестал, я старался не смотреть на тот второй, *не наш*, кубок. Не получилось. Мой взгляд просто прилип к трофею чемпионов мира, о котором мы думали, что сможем забрать его домой, в Хорватию. В тот момент, под дождем промокшей Москвы, я испытывал большое разочарование, как всегда, когда теряешь трофей, который был так близко, но после всех мучений и напряженной борьбы ускользнул из твоих рук. Долю секунды я представлял, как меня сейчас позовут и вручат этот кубок. Мы с партнерами поднимем его над головами и изо всех сил будем кричать нашим болельщикам: «Впере-е-ед, Хорватия! Какое бы это было счастье...»

Из этого краткого забытья меня вывело объявление моего имени по громкоговорителю и громкие аплодисменты. Кажется, дальше я двигался на автомате. Вообще-то так было еще с момента, когда я был на поле, почти сразу после последнего свистка судьи. Когда французы радовались, а мы только осознавали горькую реальность, ко мне подошла представительница FIFA. За уже возведенным пьедесталом она сообщила мне, что я выбран лучшим игроком турнира. Она была очень мила, поздравляла меня и говорила что-то о том, как будет проходить эта часть церемонии. Я не запомнил ни слова из этого: я, как и мои партнеры, бродил по полю, как будто искал какое-то место, в котором мог бы скрыться и выплакаться. Я смотрел на трибуны, на всех этих людей в «шашечных» футболках, с шапками, шарфами, флагами, транспарантами со словами поддержки из разных стран мира, которые кто знает через что прошли, чтобы приехать в Россию, купить билеты, и которые болели за нас. Я думал обо всех тех сотнях тысяч людей в Хорватии, которые на площадях, в барах, в квартирах и где бы то ни было еще включали телевизоры, волновались и надеялись на победу. В этот момент меня охватило чувство, что мы их разочаровали, но это быстро прошло. Наши болельщики на стадионе сильно старались облегчить нам грусть поражения, показывая нам скандированием, песнями и жестами, как они гордятся нами. Честно говоря, из-за этого эмоционально мне было еще тяжелее. Мне было страшно жаль, что мы не сделали этот последний шаг и не смогли дать им невероятное ощущение совместного торжества победителей чемпионата мира. Тогда я не мог и мечтать, что это чувство испытаю на следующий день в Хорватии, когда на улицах Загреба больше полу-миллиона людей встречало нас как чемпионов мира.

А пока я ходил по полю и старался увидеть как можно больше, потому что осознавал, что это исторический момент, который я буду вспоминать всю жизнь, но в то же время кошмар произошедшего сдавливал мое горло. Из этого странного состояния вывел меня Марио Манджукич. Он, такой высокий и крепкий, с имиджем хулигана и ворчуна, подошел ко мне и голосом, который дрожал одновременно от слез и гордости, сказал: «Эй, мне тоже тяжело, но мы не можем сейчас плакать. Мы выложились по полной, мы сделали великое дело, мы должны гордиться собой!»

С Манджо мы играли вместе целых двенадцать лет, за которые пережили и победы, и поражения. Он гордый, у него сильный характер и он не дает себя в обиду. Я думаю, мы с ним этим похожи, с тем отличием, что он лучше скрывает свои эмоции. Вскоре подошел и Ведран Чорлука, один из самых дорогих для меня футбольных друзей, и сказал что-то очень похожее. Мы подбадривали друг друга, потому что чувствовали одно и то же. Мои друзья помогли мне

не разорваться от боли. Я разделил ее с ними, с партнерами, болельщиками и поэтому смог соблюсти протокол вручения наград хотя бы немного спокойнее.

Когда под шумное одобрение своих партнеров и громкие аплодисменты французских игроков я взошел на пьедестал, где стояли президент FIFA Джанни Инфантино, Владимир Путин, Эммануэль Макрон, Колинда Грабар-Китарович и другие участники торжественного вручения медалей, я как мог держал себя в руках. В голове крутилась мысль, что на меня смотрит весь мир и что я не могу опозорить ни себя, ни партнеров, ни Хорватию. В этот раз, совсем близко проходя мимо кубка чемпионов, я даже не посмотрел на него. Это была, наверное, моя очная ставка с той правдой, что завершилась эта красивая история, и принятие того факта, что совершенства редко случаются в жизни.

Если бы вы сейчас меня спросили, что мне говорили президенты FIFA, России, Франции, Хорватии, поверьте, я бы не смог ответить. Я помню только долю тех моментов, то, как все были внимательны. Как будто хотели показать, как сочувствуют тем, кто должен был уступить в финале чемпионата мира. Инфантино сказал мне, что счастлив за меня и что ему жаль, что Хорватия проиграла. Путин отдал мне трофей лучшего игрока, поздравил на английском и сказал: «Браво!» Макрон сказал что-то вроде того, что мы провели феноменальный турнир. Наш президент, Колинда Грабар-Китарович, разделила грусть поражения в финале, но и гордость, что мы поднялись на мировую футбольную вершину.

С большим облегчением я добрался до места на пьедестале, где я мог быть один. Я был грустен в тот момент, когда мне оказывалась самая великая честь в карьере. С кубком в руке, окруженный фоторепортерами, я позировал им, потому что так было надо, но чувствовал себя раздавленным. Так продолжалось до тех пор, пока мой кокон не пробила громкая поддержка моих партнеров, а потом сразу и громкие аплодисменты всего стадиона. Тогда в первый раз по коже пробежали мурашки, и я помахал публике. Как будто в тот момент во мне запустился процесс избавления от грусти и появилось понимание того, что Хорватия совершила что-то совершенно невероятное. Я ощутил сильную гордость и искал взглядом часть трибуны, где, как я предполагал, сидели моя жена, дети, родители, сестры и друзья. На пьедестале ко мне вскоре присоединился Килиан Мбаппе, который был объявлен лучшим молодым игроком чемпионата. Он блестящий нападающий, в свои девятнадцать лет способен менять ход игры в матчах высшего уровня. Что же будет, когда он приобретет некоторый опыт, привычку – никто тогда не сможет его остановить.

– Ты молодец, я очень рад за тебя! – сказал он мне, прежде чем я успел выразить свое восхищение тем, что он такой молодой, а уже выделился на чемпионате мира и завоевал титул. Мбаппе казался мне скромным парнем, который, несмотря на весь этот свой гламур и давление, крепко стоит на ногах. Если он, уже сейчас мощный игрок, продолжит в том же духе, то сможет творить чудеса.

Прежде чем я сошел с пьедестала, уже лучше осознавая, что объявлен лучшим игроком мундиала, в голове ярким блеском появилось воспоминание о моем дедушке Луке. Как бы он был счастлив сейчас и горд, если бы смог увидеть осуществление моих мечтаний. Мне было всего шесть, когда сербские националисты безжалостно убили его недалеко от дома. Тогда я не мог принять эту потерю, как не могу и сейчас. Эта короткая часть моей жизни оставила во мне глубокий след семейной любви, привязанности и преданности.

Глава вторая

Квартирич. Маленький каменный домик на дороге, прямо у скалистых склонов горы Велебит. Он расположен на расстоянии пятисот метров от родительского дома в Затоне-Обровачки. Этот дом был центром моего маленького мира до 1991 года, когда мы вынуждены были стать беженцами. Там жили родители моего отца, дед Лука и бабушка Ела. Дед был дорожным рабочим и работал на ремонте старой государственной дороги, которая ведет в Загреб, связывая Далмацию и Лику. Бабушка была домохозяйкой, трудолюбивой и скромной. Дом, в котором мы жили, принадлежал дорожной компании, но для меня тогда это был просто дом моих бабушки и дедушки. Мы называли его «верхний дом»... Дедушку Петра по материнской линии я, к сожалению, не знал. Он трагически погиб еще до моего рождения. Моя вторая бабушка Манда живет в Обровце.

Родители работали на трикотажной фабрике «Трио», расположенной в четырех километрах от Обровца. Там они и познакомились. Мама Радойка работала швеей, а папа Стипе был механиком, который ремонтировал фабричные машины. Через год после маминого декретного отпуска родители отдали меня в садик в Обровце. Но это продолжалось недолго. Однажды мама, придя на работу, услышала, как коллега, которая тоже отвела ребенка в садик, рассказывала, что все дети в порядке, кроме одного мальчика, который постоянно плачет. Мама спросила ее, как был одет этот ребенок, и услышала то, о чем и сама догадывалась. Вместе с папой она решила забрать меня из сада. Родители уже и раньше задумывались об этом, не только из-за того, что я тяжело адаптировался, но и по причинам, связанным со здоровьем. Я постоянно был простужен, болел бронхитом. Мой плач со временем не утихал, а, наоборот, становился все более упрямым и жалобным, поэтому все сомнения родителей рассеялись. Тогда, конечно, я не осознавал, что делаю, но мы с родителями шутим, что я рыдал намеренно, чтобы они пожалели меня и забрали домой.

Вместо сада родители отводили меня к дедушке и бабушке в Квартирич. От нашего дома туда нужно было идти минут пятнадцать вверх в гору. Там я оставался с удовольствием, и родителям, наконец, стало легче уходить на работу. Особенно, когда они поняли, насколько счастлив такому решению мой дедушка Лука. Ни он, ни бабушка никогда не противились этому решению. Наоборот. Отец и мама рассказывали мне, как меня обожал дедушка, в честь которого меня и назвали. Я был первым внуком после двух внучек, и папа всегда утверждал, что у дедушки ко мне была невероятная любовь. Дед Лука ни к кому не относился с такой нежностью и мягкостью, как ко мне, и это всех впечатляло. Особенно моего отца, который очень хорошо знал его характер. Когда ты маленький, ты еще не совсем понимаешь, о чем идет речь, но это особенное тепло я чувствовал в беззаботном общении, играх, разговорах, терпеливости, с которой дед делился своими знаниями, в добродушных реакциях на мои шалости или в том, как он укладывал меня спать. Чувство нетерпеливого ожидания возвращения к нему наверх, в каменный дом у подножия Велебита, наверное, было моим выражением тех особенных отношений. Только сейчас, пройдя многие жизненные испытания, я полностью понимаю эти эмоции.

От первых шести лет моей жизни, до больших и болезненных перемен, через которые прошла моя семья, у меня осталось довольно много воспоминаний. Эти воспоминания в основном появляются проблесками, особенно когда какая-то ситуация или атмосфера напоминает мне тот период. Например, когда я уже взрослым человеком приезжал на родину и навещал все еще живущих в родных местах родственников; когда я встречал каких-то людей, которые были частью моего детства; когда я был в родительском доме, который родители отремонтировали. Наконец, когда бы я ни входил в старый каменный дом наверху, в Квартириче. Хотя дом сгорел, и только стены остались целыми, я всегда чувствовал тут то, что определяет всю

мою жизнь. Преданность семье и чувство уверенности в ее кругу. До сегодняшнего дня это не изменилось. Нет, с годами эти воспоминания только усиливаются. Наверное, это правда, что с течением времени мы все больше замыкаемся на себе и своих самых близких. Заводим семью, радуемся детям, любимся ими и смотрим, как они растут. Я очень благодарен своим родителям за то, что они заложили во мне чувство, что семья – фундамент всего, и показывали это на своем примере. Они учили меня, что именно от того, насколько крепка семья, зависит, как я пойду по жизни. Сегодня я нахожусь в совершенно других условиях, чем мои родители. Но в фундаментальном подходе к воспитанию детей я следую тем устоям, которые заложены в меня с самого раннего детства.

Мой папа Стипе – человек твердых и ясных принципов. На первый взгляд он кажется сильным человеком твердой закалки, но на самом деле он очень эмоционален. Когда-то давно он рассказал мне, что его принципиальность по отношению ко всем вокруг растворилась в воздухе уже с первого дня моей жизни. Он встретил меня слезами радости. Для него мое рождение стало самым ярким из всех пережитых впечатлений. Тогда ему было 24 года, и с тех пор он больше не скрывал эмоции и не притворялся суровым мужчиной.

Мама Радойка, которую все зовут Рада – сильная женщина. Она очень сентиментальна, хотя прекрасно умеет контролировать эмоции. Мама любила меня и сестер безусловно, но при необходимости могла быть жесткой и непоколебимой. Повзрослев, я понял, что мир и согласие в нашей семье основаны на этом переплетении твердости и эмоциональности мамы и папы, связанных с их тяжелой жизнью.

Я был первым ребенком в семье. Схватки у мамы начались около 11 часов вечера 8 сентября 1985 года. Родители были готовы и с нужными вещами быстро поехали в больницу. Как и всегда, в таких ситуациях, царило напряжение и страх, как все пройдет. Поэтому бабушка Ела, у которой был опыт четырех родов, поехала с мамой, чтобы быть рядом с ней. Отец их быстро подбросил до больницы в Задаре. Нельзя было угадать, сколько будет длиться мое появление на свет, поэтому врачи сказали отцу, что будет лучше, если он вернется домой и будет ждать новостей там. А папа, как дисциплинированный человек, так и сделал. Все были уверены, что мама родит девочку. Она была из семьи, в которой было 5 братьев и сестер. У папы было две сестры и брат-близнец. Так что прогноз был 8 к 5 в пользу девочки. Однако через два часа и десять минут родился я! Роды прошли без каких-либо осложнений. Счастливую новость утром первым узнал папин брат Желько. У нас дома не было телефона, а он работал в отеле, так что было проще связаться с ним, чтобы он передал новость моему отцу. Папа быстро приехал в больницу на своем белом фиате. Первый раз, когда он взял меня на руки, он всегда это рассказывает, он буквально залил меня слезами. В этот день заливал и кое-что другое, но за галстук. Папа был очень счастлив, но самая интересная история связана с бабушкой Елой. Папа отвез ее в отель, в котором она работала, где она дала волю эмоциям, выпив бокальчик-другой в честь своего первого внука. После первоначальной эйфории ей стало плохо. В тот день ей пришлось задержаться в больнице в Задаре, потому что у нее было обезвоживание. С тех пор как я это в первый раз услышал, мы по-хорошему подсмеиваемся над бабушкиным празднованием и похмельем.

Год, который мама провела в послеродовом отпуске, она часто описывает мне как один из лучших периодов своей жизни. Наблюдая, как я расту, занимаясь домашним хозяйством и заботясь о семье, она чувствовала себя абсолютно реализованной. Младенцем я не создавал проблем. Но когда в пять месяцев она перестала кормить меня грудью, все начало меняться. Я стал беспокойным, плохо ел, выбрасывал бутылочку и просыпался по ночам. И позже возникали проблемы с моим питанием: я не очень-то любил мясо, избегал супов, салатов, ел в основном только молоко, сыр, бекон. У деда Луки всего этого было сколько хочешь. Натуральное и домашнее, со своего огорода и от своих животных. Около его дома, в Квартириче, был двор, там держали овец, коз, их было, наверное, сто пятьдесят. Были и индейки, кролики, куры,

поэтому приходилось много работать. Все в семье помогали по хозяйству. Конечно, и я работал, насколько мне позволяли мои годы: ходил с отцом или дедом на пастбище на ближайших горных склонах. Правда, я при этом много играл. Я был активным и шаловливым. Одним из любимых развлечений для меня было тянуть коз за хвост и смеяться над их реакцией. Мир животных вокруг был для меня очень близок. Я ни капельки не боялся, даже когда упоминали волков, которые часто бродили по этим горным краям. Единственным, чего я боялся, были змеи. Когда мы пасли животных, родители постоянно предупреждали меня, чтобы я не уходил далеко, потому что на этих склонах много опасных гадюк. Однажды папа поймал одну такую гадюку, поместил ее в большую бутылку и принес в нижний дом. Думаю, с тех пор мне больше не нужны были никакие предупреждения. Даже ту гадюку в бутылке, которая стояла как украшение, я обходил по широкой дуге. Отвращение к змеям осталось у меня и по сей день: как только я их вижу, меня охватывает сильный страх.

Но больше всего в детстве я наслаждался беззаботными играми и изучением мира вокруг. Пока дед или отец следили за стадом на пастбище, я играл со своими родственницами Мирьяной и Сенкой. Однажды, например, мы с Мирьяной пошли с дедом Лукой нарезать веточек для козлят. Он вез нас в своем маленьком фургоне, который меня интересовал тем, что был вытянутой версией папиного белого фиата. Пока дедушка резал ветки на горном склоне, мы с Мирьяной вернулись в фургон. Мы заигрались, притворяясь, что ведем машину. Я не знаю, кто и как, но в один момент кто-то снял ручной тормоз, не представляя, какая трагедия могла бы случиться. Фургон медленно поехал вниз по склону. Это были ужасные моменты, но мы не знали, что сделать, чтобы машина остановилась. Мы окаменели от страха, и кто знает, чем бы все завершилось, если бы нас не остановила стена забора прямо у дороги. Нас никто не ругал, ни родители, ни дед. Они были счастливы, что с нами ничего не случилось, хотя могло случиться всякое. К счастью, все завершилось только немного поцарапанным автомобилем, пережитым страхом и опытом, благодаря которому мне никогда больше не приходило в голову играть в припаркованной машине.

Это был не единственный раз, когда я так напугал родителей. Мне было около трех лет, когда однажды днем я крутился около мамы и бабушки, которые собирали горох. Наверное, мне было скучно, и я взял один стручок. Вскоре я его раскрыл, и в голову пришла идея засунуть в каждую ноздрю по одной горошине. Мне это было очень смешно, но мама заметила, что со мной что-то происходит. Я едва дышал, горошины загородили дыхательные пути! Она сразу позвала папу, и они вместе пытались вынуть горох. Пока они так старались, я только громко смеялся. Наконец, папа с помощью пинцета смог вынуть одну горошину. Но чтобы достать вторую, пришлось отвезти меня в больницу. Они очень испугались, потому что в один момент я начал синеть и закатывать глаза, но все закончилось хорошо.

Мама всегда говорит, что я не мог усидеть на месте, но был хорошим ребенком. Например, на детских днях рождения я был необычайно спокойным. Когда взрослые играли в петанк, я любил смотреть на них, сидя на маминых руках, и любил, когда она меня качала. Но когда мне что-то не нравилось, я мог из непослушания поломать все цветы в вазах. А еще я часто прятался где-то в доме, и в верхнем дедовом, и в нижнем родительском. Однажды я так хорошо спрятался, что мама серьезно испугалась, потому что не могла меня найти. Она стала в панике звать меня, пока я наслаждался тем, что в этот раз она не может отыскать мое убежище. Скрючившись в шкафчике, к маминому ужасу, я держался довольно долго. Когда, наконец, торжественно появился, мой громкий смех быстро оборвался. Она была очень зла и поэтому не слишком снисходительна к моему непослушанию.

В дедушкином доме я вел себя особенно шумно. Родители говорят, что именно там я в первый раз самостоятельно пошел. Мне было всего девять месяцев. Я проводил много времени в дедушкином доме и помню его даже лучше, чем больший и более удобный родительский дом. Наверное, на втором этаже, была одна спальня, внизу еще одна вместе с кухней, а около

дома у нас был гараж. На мою маленькую кровать бабушка с дедушкой ставили деревянные решетки, чтобы я, вертясь во сне, не свалился на пол. В дедовом доме не было электричества, мы пользовались керосиновыми лампами. Позже папа достал генератор. Не было и воды, кроме той, что в колодце. Если мне хотелось посмотреть матчи по телевизору, я вынужден был спускаться в нижний дом.

Конечно, как и любой ребенок, я радовался игрушкам, подаркам, общался и играл со сверстниками. Я рассказал здесь все это, чтобы передать атмосферу и образ жизни в маленьком поселке у подножия Велебита. Моя повседневная жизнь очень отличалась от той, которой жили мои сверстники в больших городах и в более комфортных условиях. Именно такое начало жизни, в суровых условиях, но в теплых отношениях в семье, определило меня как личность. Я не только бегал по горам, пока козы паслись. Я не только прыгал по камням и убегал от гадюк. Я не только дергал коз за хвост или гонял зайцев. А когда я говорю о доме без электричества и воды, я должен подчеркнуть, что дом моих родителей, на пятьсот метров ниже от дедушкиного по прямой, был удобный и современный. У меня была своя комната и просторный зеленый двор. По соседству жили родственники, было много детей, с которыми мы играли и общались. Мы играли в прятки, в машинки, беззаботно носились по дороге, потому что по ней почти никто не ездил.

От других детей меня, может, отличала, как мне рассказывали родители, только привязанность к одной игрушке. Круглой! Мне покупали машинки, я получал на дни рождения и другие игрушки, но ни одна из них не занимала мое внимание дольше мяча. Хотя на фотографии с первого дня рождения я на нем сижу, кажется, это единственный снимок, на котором я бездельничаю с мячом. Когда я уже достаточно вырос, чтобы родители пускали меня гулять одного, мяч стал моим лучшим другом. Я играл с родственниками из нижних домов на асфальте. Наверху у деда я постоянно бил в ворота гаража. Отец говорил мне, что уже в 3–4 года можно было отгадать, какой у меня особенный талант. Еще одним знаком, подтверждающим мои способности к футболу, было для него то, как быстро я схватывал знания. Было достаточно, чтобы он один раз показал мне, как принять мяч и ударить по нему, больше не нужно было. Я только повторял и улучшал эти движения. Папа тоже играл в футбол, был членом клуба низшей лиги «Рудар» из Обровца. Он играл на позиции правого бокового, и его описывали как быстрого и проворного игрока, который может бегать пять дней без остановки. К сожалению, он повредил крестообразную связку в одном из матчей и больше не играл. И сегодня его мучает это изношенное колено. В футбол играл и дед Лука. Говорят, он был хорош в мини-футболе, особенные способности проявлял в баскетболе. Сегодня, без ложной скромности, и я хорошо играю в баскетбол, хорошо получаются у меня и другие игры с мячом – все указывает на то, что чувство игры я унаследовал от деда. Эх, дедушка мой...

Дедушка Лука

Еще до того, как я родился, всем было ясно, как меня будут звать. Как моего папу Стипе называли по имени его деда, следуя старой традиции, так и мне он дал имя своего отца Луки. Но имя в меньшей степени повлияло на большую привязанность деда к своему первому внуку. Он не просто, как многие дедушки, сидел с внуком, пока родители не вернутся с работы, но и постоянно играл со мной, когда я был маленький. А как только я достаточно вырос, научился ходить без посторонней помощи, дед стал брать меня везде с собой. Почистить снег, собрать сено, пасти животных, что-нибудь починить, съездить за материалами и многие другие заботы по дому – дед всегда обращался ко мне как к своему главному помощнику. Я любил, когда мы ездили в его маленьком фургоне, когда вместе ходили к родственникам. Мне очень нравилось, когда дедушка водил меня на охоту на зайцев и куропаток, когда разрешал мне поддержать его охотничье ружье, когда нас вместе фотографировали. Он всегда разговаривал со мной,

объяснял, шутил, учил. Каждый день, проведенный с ним, я узнавал что-то новое. И с нетерпением ждал новых приключений. Дедушка был высокий, представительный человек, у него были всегда опрятные, зачесанные назад волосы. Он казался принципиальным и уверенным, про таких говорят *важная птица*. Но я был ребенком, и для меня он был другим. При близком общении он внушал надежность и спокойствие, он был очень любознательным, внимательным – для меня он был особенным. Я его обожал. Даже тогда, когда он авторитарно заставлял меня стричься. Мама любила, когда у меня были длинные волосы, да и я привык к этому. Но когда дед оценивал, что они слишком длинные, он не спрашивал ни маму, ни тем более меня, а сам брал ножницы и постригал мне волосы. Иногда были слезы, не только мои, но и мамины, но это ничего не меняло. Если дед что-то решит, то это не обсуждается.

Мне было четыре, когда наша счастливая семья увеличилась. Родилась моя первая сестра Ясмينا. Это было еще одно незабываемое впечатление. Я не помню, кого я хотел больше, братика или сестричку. Мне не запомнилось, как семья готовилась к появлению второго ребенка. В памяти осталось только то, что я был очень взволнован, когда сестру принесли домой, когда я в первый раз ее увидел, дотронулся и поцеловал. Ясмина стала частью моей жизни, и по мере того, как мы росли и узнавали друг друга, наши отношения становились настоящими близкими отношениями брата и сестры, крепкой дружбой.

Я не чувствовал, что в моей повседневной жизни что-то изменилось из-за того, что теперь приходилось делить внимание и заботу семьи с сестрой. Я был занят своими делами и наслаждался играми и семейным уютом. Везде: дома, за столом, за работой, во дворе или в гостях. Рассказы моих родителей подтверждают мои впечатления о тех первых шести годах жизни, которые я смог сохранить в своей памяти. Я был бесстрашным ребенком, очень активным, веселым и шаловливым. Но они всегда подчеркивали, что я знал, что есть границы, которые нельзя нарушать. Когда нужно было послушаться и остановиться, я останавливался. Когда мне говорили, чтобы я успокоился, я успокаивался. Я уверен, что все названное со временем сформировало мой характер и было обусловлено теплотой семейной обстановки, в которой я рос. Мое детство у подножия Велебита было одновременно красивым, беззаботным и поучительным. Я быстро научился быть независимым и самостоятельным. Тогда не было ни мобильных телефонов, ни компьютеров, планшетов или интернета. Целый день я проводил на природе, наслаждался ее красотами и учился уважать ее законы. Все было очень хорошо, а мне казалось, что будет еще лучше. У судьбы, однако, были другие планы...

Я не мог понимать того, что на самом деле происходило, но я чувствовал, как что-то важное вокруг начало изменяться. Все, что было до тех пор привычным, изменилось. Родители больше не ходили на работу в Обровац. Их разговоры становились все серьезнее. И наверху у деда я чувствовал, что атмосфера уже не та, хоть и он, и бабушка, как и родители, старались, чтобы все было как прежде. Но как прежде быть уже не могло.

Я запомнил тот день, когда случилась беда, только по тревоге моего отца. Дед не вернулся домой. Все пошли его искать. ...Я не осознавал, что происходит, когда деда привезли в наш нижний дом в Затоне-Обрвачки. Я только чувствовал отчаяние. Папа обнял меня и подвел к гробу. Он сказал мне: «Сын, поцелуй дедушку!» Я был маленьким и не мог понять, что это моя последняя встреча с ним. Меня вывели из комнаты: родители хотели как можно дальше держать меня от этого горя. Похороны были в Обровце. Дедушку Луку очень ценили, он был веселым и очень обаятельным. Папа его обожал, и только сейчас я могу себе представить, насколько ему было тяжело его потерять. Позднее папа рассказывал мне о своем ужасе в тот момент, когда он нашел безжизненное окровавленное тело деда. Это было на лугу около дороги, недалеко от дома, там, где дед пас коз. Был декабрь 1991 года, война уже была в самом разгаре. Дед был бесстрашным и будто не осознавал всей тяжести ситуации. Бабушка Ела рассказывала, что видела в тот день на дороге какие-то военные машины. Она спряталась в доме, закрылась. Отец, что-то почувствовав, поспешил с утра проверить, все ли в порядке с дедуш-

кой и бабушкой. Когда он узнал, что козы пришли к дому, а дед нет, он понял, что случилось что-то ужасное.

Моего дедушку убили автоматной очередью с близкого расстояния. Ему было 66 лет. Сердце разрывается, когда я думаю, как он умирал, почти на пороге дома. Что это за люди, которые могли беспощадно забрать жизнь у старого и невинного человека... Этот вопрос я задаю себе с тех пор, как учительница Мая Грбич в третьем классе дала нам задание написать рассказ о том, что нас сильно тронуло, огорчило, ужаснуло. Тогда меня в первый раз прорвало:

Хотя я еще маленький, я пережил много страхов. Страх войны и бомбардировок я уже понемногу забываю.

Событие и страх, который я никогда не забуду, случилось четыре года назад, когда сербские националисты убили моего дедушку, которого я очень любил. Все плакали, а я никак не мог понять, что моего дорогого, хорошего деда больше нет.

Я спрашивал себя, могут ли быть людьми те, кто это сделал и из-за кого мы бежали из дома.

С тех пор я редко рассказываю о своем дедушке, по крайней мере публично. Жизнь все перевернула вверх ногами, с нами случились многие драматические события, которые заняли все наши мысли. Отец ушел воевать. Как только мы снова были вместе, он старался, чтобы я и сестры чувствовали себя в безопасности и верили, что все будет в порядке. Несмотря на случившуюся трагедию с дедушкой, я никогда не чувствовал злости в голосе папы. Никогда нельзя было даже предположить в нем какую-то мысль о мести. Думая об этом в свои зрелые годы, я понял все, что тогда происходило на войне, и с каким достоинством вел себя отец в этой ситуации. Это еще раз продемонстрировало его благородство и ответственность за своих детей. Он говорил нам, что не так важно, откуда ты, чей ты, что у тебя есть и чего у тебя нет. Важно, какой ты человек. Все эти события были ужасными и трагическими. Но мама с папой воспитывали нас в уважении и любви. Чтобы мы стали нормальными людьми, которые отличают добро от зла. За это я им бесконечно благодарен, потому что этим они очень повлияли на мое мировоззрение. А оно формировалось в тяжелых условиях жизни беженцев, в страхе войны и в заботе о самых дорогих, во время сложного периода преодоления последствий войны и приспособления к новой действительности. Это совпало с моим переходным возрастом, когда ошибочные предположения и неправильный взгляд на жизнь могут нас сбить с верного пути. Но родители смогли направить меня в правильном направлении и помогли сделать правильный выбор с развитием моей футбольной карьеры.

Я уверен, что взгляды на жизнь моего отца были привиты ему дедом. Несмотря на то что я был ребенком и что мы так немного времени провели вместе, дед Лука сильно повлиял и на меня. Я вспоминаю его очень часто, но эта книга, наверное, – первый раз, когда я рассказываю о нем более подробно. Я очень по нему скучаю и был бы безмерно счастлив, если бы мог разделить с ним счастье своих футбольных побед. Я уверен, что он гордился бы мной и особенно моей семьей. Дед всегда говорил, что семья – это самое дорогое, и эту ценность привил всем нам: поэтому у нас такая дружная и крепкая семья. Каждый раз, когда я возвращаюсь в родные края, я посещаю места, где мы жили. Тогда оживают воспоминания, просыпаются эмоции. Я привожу своих детей, которые живут совсем по-другому, чтобы они могли хотя бы в какой-то степени прочувствовать то место и время, в котором я рос. Верхний дом стал заброшенными развалинами, зарос сорняками. Табличка с надписью «Осторожно, мины!» – жутковатое напоминание о трагических событиях, которые тут происходили. Дом этот – государственная собственность. Если бы я мог, я бы что-нибудь с ним сделал. Ради дедушки, ради бабушки, ради всех нас, для которых он был важной частью жизни. Папа поставил деду памятник на месте, где 18 декабря 1991 года нашел его мертвым. Но когда я стою перед памятником, я вспоминаю

дедушкину энергию и наши приключения. И я готов побиться об заклад, что первое, что он сделал бы после поздравления с достигнутыми победами, было то, что он взял бы ножницы и сказал: «Лука, я очень горжусь тобой, но ты должен постричься, чтобы прилично выглядеть».

Беженцы

После дедушкиной смерти отец сумел сохранить ясность ума, чтобы понять, что осталась последняя возможность оставить дом и укрыться в более безопасном месте. Я был слишком маленьким, чтобы понять все, что происходило вокруг нас. Родители как могли старались облегчить нам жизнь беженцев, но я сразу же почувствовал большую разницу по сравнению с предыдущими беззаботными годами в Затоне-Обровачки. Сначала мы уехали в Макарску. Я тогда думал, что мы едем в гости к дяде Желько, который работал там официантом. Он был мне как второй отец, не только потому что они с папой однойцевые близнецы и очень похожи, но и потому, что он всегда был внимателен ко мне и моим сестрам и всегда нас защищал. У него нет детей, а к нам он всегда относился как к своим. На дядю мы могли положиться в любых ситуациях.

Когда ты ребенок, родители для тебя все, а когда у них особенно теплые отношения с другими членами семьи или друзьями, то и эти люди становятся для тебя дорогими. Я всегда чувствовал братскую любовь между папой и дядей. И сегодня, когда я на них смотрю, мне кажется, что они невероятно связаны. Каждый день они созваниваются как минимум раз десять. Когда кто-то из них в дороге, они звонят друг другу каждые минут пятнадцать. А именно на столько дядя старше папы. Папа менее общительный и более раздражительный, а дядя Желько более открытый и компанейский человек, более спокойный и уравновешенный, и при этом большой шутник. Эта их непохожесть, наверное, способствовала тому, что они вдвоем так прекрасно находят общий язык. Я никогда в жизни не видел, чтобы они ссорились.

В Макарске мы разместились в лагере для беженцев «Детские деревни – SOS». Там мы оставались около четырех месяцев, а в апреле 1992 года переехали в Задар, где осенью я должен был пойти в школу. Нас разместили в отеле «Коловаре». Сначала у нас была комната в подвале. Мама, папа, сестра и я спали на одной кровати. В небольшом помещении был еще туалет, а в углу стоял столик для маленькой плиты. Позже нас поселили на четвертый этаж, где у нас было две комнаты. Одна была для сестры Ясины и меня. Это была наша новая жизнь. Хотя это было тяжело, мы быстро приспособились. Семья была привыкшей к скромной жизни, и мои родители никогда не жаловались. Ладно, психологически им было тяжело, потому что они заботились обо мне и сестре, а кроме того, папа как доброволец мог вскоре пойти на войну. Чтобы нам всем обеспечить лучшую жизнь, мама сразу начала работать. Коллега с прошлой работы на трикотажной фабрике в Обровце открыла швейную мастерскую и позвала ее к себе. Я думаю, что это было для мамы очень кстати. Не только потому что давало нам большой доход, но и потому что, работая, она могла хотя бы ненадолго забыть о проблемах.

В отеле, в котором мы жили, было много моих ровесников. Целые дни мы проводили на игровой площадке перед зданием. Мы играли в футбол, в вышибалу, в прятки, знакомились с новыми друзьями. Тут не так часто были бомбардировки, от которых мы прятались в убежище. Для нас, детей, это было неплохое время дружбы и игр. В отеле, полном грустных людей, которые, как и мы, были вынуждены покинуть свои дома и спасти свою жизнь, было много наших родственников. Среди них и папина старшая сестра Мария с семьей. Бомбы иногда падали и на отель: однажды был ранен супруг Марии, Миле. Бомба взорвалась около номера, и, несмотря на пережитый страх и несколько осколков, к счастью, все обошлось без каких-либо тяжелых последствий...

Может, это странно, но я могу сказать, что быстро привык к тревогам, привык бежать в укрытие. Бомбардировки сначала вызывали огромный страх, но позже он стал всего лишь бес-

покойством. Больше всего пугал звук бомб. Этот ужасный свист, за которым следовал взрыв. Мы с семьей не всегда оказывались в одном укрытии: все зависело от того, где нас застала тревога. Но вокруг всегда было много других детей, и мы быстро организовывали какую-нибудь игру. Так быстрее проходило время до конца тревоги. Спокойнее всего я чувствовал себя со своей семьей, а когда папа был на позиции, мы все очень за него боялись. Страх на самом деле всегда был где-то на заднем плане, но жизнь понемногу входила в обычную колею. Так было, пока я не пошел в школу.

ШКОЛЬНЫЙ ЗВОНОК

Средняя школа Круно Крстича в поселке Арбанаси была на расстоянии около километра от нашего отеля. В первый день меня провожала мама. Я был очень взволнован, но родители уже на второй день разрешили мне идти в школу одному. Это было даже лучше: по дороге я мог шутить с двумя друзьями, с которыми познакомился в отеле «Коловаре». Были это Марко Оштрич и Анте Црняк, с которыми я постоянно общался. С Марко, который был из Придраги, мы сразу нашли общий язык. Мы ходили вместе в школу, в один класс, вместе тренировались в ФК «Задар». Вот уже 27 лет мы лучшие друзья. Мы были шаферами на свадьбах друг у друга. Наши семьи дружат и отлично общаются. Среди всех достоинств, которые украшают Марко, я люблю его за то, что он совершенно не изменился. Искренний друг детства и военных дней. Он такой, каким был, когда нам было по шесть. А я для него остаюсь все тем же Лукой. И я ценю его за это.

Честно говоря, в школе я не блистал. Скажем так, я был середнячком. Больше всего мне нравились история и физкультура – тут у меня всегда были отличные оценки. Хуже мне давались физика, химия, математика, биология. Я думаю, что это одна из причин того, что мое обучение не было для меня приоритетом. Я постоянно бегал на футбол, каждый день днем и вечером, и играл все выходные. Серьезнее я относился к учебе только перед родительскими собраниями и удовлетворялся тройками. То, с чем у меня никогда не было проблем, – аккуратность. Это одно из тех качеств, которое осталось мне на всю жизнь. Я люблю, когда все на своих местах, когда мои вещи сложены, и всегда знаю, что где лежит. Когда я возвращаюсь домой, я сразу замечаю, если что-то поменяло место или нарушает заведенный порядок.

Родители с пониманием относились к моим взлетам и падениям в школе. Они просили меня стараться, но, учитывая нашу ситуацию, думаю, самым важным для них было то, что я развиваюсь. В школу я любил ходить пообщаться. Мы хорошо шутили, устраивали разные розыгрыши. У меня не было проблем с поведением, но я любил пошалить. Ничего необычного для этого возраста. Удивительным образом это усиливало чувство, что мы проживаем обычную, типичную школьную жизнь, несмотря на то что это время было тяжелым и опасным. Учителя очень старались нам его облегчить. Я обожал физкультуру, поэтому особенно мне нравился учитель Альберт Радовникович. Любил я и нашу учительницу начальных классов Маю Грбич, которая с пониманием относилась к нам, беженцам. Бывали дни, когда из-за бомбардировки не было уроков – тогда возвращение в школу становилось знаком, что обстановка становится спокойнее, но пережитые страхи нельзя было стереть ластиком. Поэтому было так важно, что учителя относились к нам с терпением и пониманием.

Каждую свободную минуту я посвящал футболу. Мы ходили на бетонную школьную площадку, а вернувшись из школы, продолжали игру на парковке отеля. Рядом была небольшая лужайка. Дерево было одной штангой, а большой камень – другой. Мы играли до изнеможения. Бывало, я стоял на воротах, был защитником, но все-таки мне больше нравилось вести мяч и забивать. Папа заметил, что у меня хорошо получается. Когда он не был на войне, он отводил меня на поле и показывал, как контролировать, вести и принимать мяч. Я очень наслаждался этим. Игра с папой, мяч, футбол – все как в беззаботные дни на родине. Но в отличие от про-

стором, где я играл дома, в Задаре перед отелем «Коловаре» было много машин. Понятно, что мы много раз попадали в припаркованные машины, и мяч очень звонко стучал по железу. Страдали и окрестные стекла. А однажды случилась серьезная проблема. По крайней мере, тогда мне так казалось. После того как мяч ударил в колесо одного автомобиля, появился злой старик. Он взял наш мяч и на наших глазах его проколол! А потом прогнал нас с Марко. В первый миг я был шокирован, но вскоре ощутил сильную злость. Я убежал в комнату и расплакался, потому что мы остались без нашего кожаного мяча, единственного, который у нас был. Папа спросил, что случилось, и когда я ему рассказал, он сразу отправился вниз. Он нашел того человека и потребовал объяснения. Старик работал в отеле, и папа его застал с отверткой, которой он в ярости проколол мяч.

– Во-первых, уберите отвертку, а во-вторых, я не понимаю, почему вы испортили детям мяч? – сказал мой отец решительным тоном.

– Мяч ударил по колесу моей машины! – ответил старик.

Отец сказал ему, что это не может быть веской причиной агрессивного и некрасивого поведения по отношению к детям. Он сказал, что ждет, чтобы тот завтра купил нам новый мяч. Вскоре старик извинился, и на следующий день мы на самом деле пошли в магазин и выбрали новый мяч! Это был первый раз, когда я видел такую реакцию отца. Конечно, я гордился им. А вскоре отец опять сделал меня несказанно счастливым.

Глава третья

Папа пришел домой и сказал, что записал меня в футбольную школу ФК «Задар»! Была осень 1992 года, чуть позже того, как мы пошли в школу, и я не мог дождаться своей первой тренировки. Папа возил меня и Марко, который тоже записался. Как мы тогда волновались! Тренировки проходили в помещениях бывших казарм. Сегодня это спортивно-рекреационный центр. Сначала мы не пользовались раздевалкой, а переодевались на трибунах. И сегодня я помню первые бутсы, которые купил мне папа. Они были марки Lotto, кричаще зеленые, лучшие в мире для меня. Родители от всего отказывались, чтобы дать нам все, что было необходимо. Отец был уверен, что я могу стать отличным футболистом. В других жизненных условиях, может, и он бы стал успешным игроком, но случай не подвернулся. Маме он говорил, какой у меня особенный талант к игре и что он сделает все, чтобы помочь мне реализоваться. Возможность, которой у него не было.

Первым моим тренером был Желько Живкович. После первой тренировки он сразу же перевел меня в группу к старшим мальчикам. Я был физически слаб, но никого не боялся. Эта моя уверенность в себе проявлялась и в тех матчах, в которых я играл на улице, на парковке, на бетоне, на траве перед отелем «Коловаре». Там не было деления по возрастам. Мы играли со старшими парнями: если хочешь стать частью игры – учись бороться за себя. Я получал болезненные удары по ногам, падал на твердый бетон и зарабатывал кровавые царапины. Но я никогда не плакал, не ныл. Я вставал и продолжал игру. Наверное, это и было причиной того, что старшие ребята принимали меня в игру. Я думаю, именно на улице я приобрел тот уровень уверенности, который позднее был для меня очень важен.

Тренировки проходили три раза в неделю. Сначала папа возил меня, но у него часто были дела, и я ездил на велосипеде. От отеля «Коловаре» было минут двадцать дороги до футбольной школы. Я знаю, что родителям было нелегко отпускать меня одного: тревоги и бомбардировки случались и в то время, когда я шел на тренировку или когда уже там был. В таких случаях тренеры быстро отводили нас в клубные помещения, в укрытие. Когда сейчас я как папа вспоминаю те дни, думаю о поведении родителей, чьи дети занимались каким-то спортом, и тогда начинаю гордиться тем, как вел себя мой отец. Когда он смотрел тренировку, обычно он был в компании отца Марко, человека похожего характера, и никогда не мешал работе тренера, не создавая трудностей ни мне, ни кому-либо другому. А некоторые другие родители вели себя иначе. Однажды отец не выдержал, сорвался на одного такого отца, защищая меня. Тот был одним из тех, кто видит только своих детей и считает их центром вселенной. Он постоянно что-то кричал и делал замечания всем, в том числе и мне. Мой отец был на другой стороне площадки, но когда накипело, подбежал к нему через поле и ясно дал понять, что нужно перестать мучить чужого ребенка. Отец умеет быть очень убедительным, особенно в критических ситуациях. Замечания сразу же прекратились.

Я любил тренировки. Наши тренеры, Живкович и Матошевич, учили нас основным техникам принятия мяча, передачам и другим элементам игры. В дни, когда тренировок не было, я опять самостоятельно занимался футболом. Как обычно, на свободном пространстве парковки отеля мы ставили с каждой стороны по два камня и разыгрывали матчи. Чаще всего это было противостояние пять на пять, иногда больше или меньше игроков. Пока я играл, я думал только о том, как быть лучше других. Это имело свою цену. Я рвал штаны, футболки и особенно кроссовки. У меня не было тогда много одежды, и я не мог позволить себе новые. Поэтому я старался беречь те, что у меня были. Они не были дорогими, но те белые кеды были для меня всем. Поэтому, когда появлялись дырки, я зашивал их сам, как знал и умел.

После освободительной операции «Буря» 1995 года, отец пошел на переквалификацию. Он сдал экзамены и получил звание аэротехника. Папа получил работу в аэропорту Земуник

как действующий военный, поэтому мы переехали в отель «Иж». Это был меньший и более скромный отель, расположенный в пятнадцати минутах ходьбы от первого. Переезд принес новые перемены. Мой друг Марко тоже уехал из «Коловаре» и заселился в отель «Загреб», но самым большим изменением была новая школа. После окончания шестого класса меня перевели в Среднюю школу Шимо Будинича, недалеко от «Ижа». Школа была красивая, и мне было там хорошо, хотя учителя были более строгие. Я быстро привык к ним, так же как и к новому жилью в «Иже». Мы жили на втором этаже. На пространстве в тридцать квадратных метров была одна немного большая комната, которая служила гостиной и спальней родителям. В ней мы обедали. Рядом с маленькой ванной была крошечная импровизированная комнатка с двумя кроватями. Там спали мы с Ясиной. Вскоре нас стало трое: в июне 1998 года родилась Диора, моя вторая сестра.

То лето 1998-го я буду особенно помнить и благодаря фантастическим эмоциям, которые нам подарила сборная Хорватии на чемпионате мира во Франции. Мне было почти тринадцать, я был уже довольно взрослый, чтобы понять, что эта победа «пламенных», как мы называем нашу сборную, станет исторической. Это не был первый чемпионат, который я смотрел. Предыдущий в Америке, хотя мне было только девять лет, я помнил по некоторым деталям. Например, по дриблингам Ромарио, который был для меня самым любимым игроком, или по жестам Бебето, который после гола праздновал рождение ребенка. Больше всего меня все-таки впечатлил финал Бразилия – Италия, из-за напряженности и неизвестности исхода пенальти. Я, конечно, тогда еще не мог понять всю тяжесть, которая давит на игроков, которые в финале бьют штрафные удары и решают, кто станет чемпионом. Через двадцать лет я буду знать это наверняка.

В 1998 году было достаточно видеть реакцию людей в отеле, на улице, в магазинах, на площадях и на террасах кафе на матчи Хорватии во Франции, чтобы понять, что происходит что-то значительное. Меня впечатляла эта атмосфера, то, как взрослые в эйфории переживали сенсационные игры нашей сборной. Эти эмоции врезались в мою память. Как и любой ребенок, я мечтал однажды испытать их как игрок. Очень давно я выбрал, какая роль и какой номер у меня будут, когда я вырасту. Тот же, под которым играл Звонимир Бобан, капитан той сборной, с десяткой на спине. Бобан был моим идиолом, я болел за него и в сборной, и в футболке «Милана». Я рос во время, когда ФК «Милан» господствовал в футбольном мире и когда Бобан был одним из главных его игроков. Было естественно стать фанатом «красно-черных», потому что хорват был важным игроком этой великой команды. Родители купили мне форму «Милана», у меня были и фотографии моего любимого игрока. Я мог только мечтать, что однажды мой футбольный кумир вручит мне награду лучшего игрока, и уж тем более лучшего игрока мира.

Мы остаемся в Задаре

В этот период случилось, пожалуй, ключевое событие для всей моей последующей жизни. В то время восстановления после войны люди начали постепенно возвращаться в свои дома. Мы с родителями тоже могли уехать домой, в Затон-Обровачки. Но они приняли важное решение – мы остаемся в Задаре! Не повлияли и возвращающиеся домой знакомые, которые уговаривали родителей поступить так же. Главной причиной тому было желание моих родителей предоставить мне возможность учиться, чтобы потом совершить что-то значимое в футболе. Мой отец, как я уже говорил, был уверен, что у меня талант великого игрока. Никто и ничто не могло его в этом переубедить. Однако ему было действительно важно, чтобы мама его полностью поддержала. Когда она согласилась, они решили, что подстроятся под меня. Сегодня я понимаю, насколько это было смело и скольким родителям жертвовали, чтобы я стал тем, кем стал.

С начала тренировок, с семи лет, мои занятия футболом требовали больших расходов. Родители работали и зарабатывали, но нас тогда было уже четверо. Каждая копейка была на счету. Но отец говорил сам себе: «У меня не было возможности, пусть у Луки она будет, чего бы это ни стоило», – так и было. Родители покупали мне все необходимое снаряжение, мы каждый месяц платили членский взнос клубу, оплачивали все отъезды на сборы. Находились деньги и на скромные карманные, чтобы я мог выпить сок с партнерами по команде. Без родительской поддержки и их веры в то, что талантом и поступками я заслуживаю такой их самоотверженности, я никогда не достиг бы того, чего сумел достичь сейчас. Мой дядя Желько тоже сильно помогал моему футбольному развитию – финансово, морально, эмоционально – почти так же, как мои родители. Папа часто мне говорил, что без его помощи он никогда не смог бы покрыть все финансовые расходы, которые возникали. Дядя Желько был для меня важен не только потому, что он оказывал материальную поддержку, а гораздо больше из-за его личных качеств.

Я довольно быстро прогрессирувал в младшей группе. Я был частью очень одаренного поколения игроков с блестящими результатами. Журналисты часто писали о нас, публиковали фотографии, которые оставили воспоминания на всю жизнь. Благодаря маме и сегодня у нас хранятся документы того времени. Она следила за публикациями в СМИ, вырезала статьи из журналов, бережно сохраняла каждую фотографию. Отец был ответственным за техническую часть. Он снимал матчи на камеру не только для воспоминаний, но и для того, чтобы показать мне, что нужно исправить. Каждый раз, когда я смотрю альбомы или видеозаписи, в памяти в тот же момент возникают детали тех дней. Не только связанные с игрой. Мы общались, путешествовали, буквально росли вместе. Мы часто ездили на турниры по стране и за границу. Мы наслаждались этими путешествиями, потому что тогда быть частью клуба значило не просто играть и радоваться победам. Мы чувствовали себя частью команды, крепко связанными друг с другом жадной побед и особенно совместных минут празднования. В младших группах это все было еще по-детски наиграно. Ты как будто разыгрываешь сценку, что ты настоящий игрок и член великой команды. Позднее, в более старшем юниорском возрасте, ты начинаешь понимать, насколько футбол требовательный спорт. И тогда, конечно, есть романтика игры и командного духа. Это всегда должно быть, а во взрослом футболе тем более, иначе не будет никакого удовольствия. Но другие факторы спортивной карьеры из года в год, по мере твоего развития, становятся все более ярко выраженными. Я имею в виду, например, отказ от того, что делают твои ровесники: например, когда ты должен рано лечь спать, пока другие наслаждаются общением с друзьями в каком-нибудь кафе. Я имею в виду и постоянные тренировки, и обязанность всегда быть сконцентрированным. Не только на работе и физической подготовке, но и при овладении техническими, тактическими и соревновательными умениями, которым обучают тебя профессионалы. Нужно становиться лучше, а это однозначно не случится, если ты рассеян и думаешь о том, где твои друзья, как они веселятся, где и что делает девушка, с которой ты бы с радостью сходил в кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.